
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Н.А. БОРИСОВ*

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОСТСОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Аннотация. В статье представлены результаты анализа основных работ российских политологов, посвященных трансформации политических режимов постсоветских государств с точки зрения вклада в политическую теорию и методологию. Рассматриваются основные дискуссионные проблемы, которые находятся в центре внимания российских исследователей политических процессов на постсоветском пространстве, анализируется эволюция теоретических оснований и методологии исследований трансформации политических режимов постсоветских государств.

Анализируются «структурный» и «процедурный» подходы к изучению постсоветских трансформаций, проблема траекторий и итогов постсоветских трансформаций, исследовательские концепты цветных революций и преемничества.

По заключению автора, результаты постсоветских исследований не только привели к приращению знания о политике, но и обогатили политическую теорию в целом. Фиксируется нелинейность (или цикличность) политических процессов на постсоветском пространстве.

Наметился переход к более глубокому изучению и классификации недемократических режимов на постсоветском пространстве и изучению этих режи-

* **Борисов Николай Александрович**, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), e-mail: nborisov@rggu

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50027.

© Борисов Н.А., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.04.01

мов не в качестве переходных, а как вполне устойчивых. Происходит переосмысление институциональных трансформаций как факторов политического процесса.

Перспективным направлением представляется продолжение сравнительного анализа политических процессов в постсоветских государствах на основе соотношения уровня государственности в динамике и уровня институционализации политических институтов и институциональных основ демократии, а также встраивание изучения постсоветских случаев в общий контекст постсоциалистических трансформаций.

Ключевые слова: постсоветские исследования; политический режим; трансформация; теоретико-методологические основания.

Для цитирования: Борисов Н.А. Тридцать лет постсоветских исследований в российской политической науке: тренды и перспективы // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 15–55. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.01>

Политической науке необходима теоретически последовательная, эмпирически доказательная и ценностно нейтральная повестка дня в изучении российской политики.

В.Я. Гельман [Гельман, 2003, с. 11]

Политические процессы на постсоветском пространстве по понятным причинам привлекают значительное внимание российских исследователей. Это связано не только с тем, что государства, возникшие после распада СССР, являются географически и политически близкими объектами для политологического анализа, но и с постоянным поиском ответов на вопросы о том, почему, как и чем Россия отличается от своих соседей по СНГ. Рождение постсоветских исследований совпало по времени с возрождением и развитием политической науки в России, а постсоветское пространство на протяжении всех 30 лет предоставляет богатый эмпирический материал для сравнительного анализа.

Представить даже краткий обзор тематики этих исследований в одной работе вряд ли представляется возможным, поэтому следует ограничиться исключительно важнейшими работами, которые внесли существенный теоретический вклад в изучение политических процессов на постсоветском пространстве и послужили точками отсчета для новых научных направлений. Важно показать, как за 30 лет изменились подходы к осмыслению постсоветских трансформаций, какие дискуссии были наиболее важными в российской политической науке, какие принципиально новые

концепции появились в этих работах и каков их объяснительный потенциал, что дало изучение политических процессов на постсоветском пространстве для российской политической науки.

О вкладе постсоветских исследований в общую теорию политической науки и об их основных направлениях блестяще написал А.Ю. Мельвиль, опираясь на работы зарубежных и российских авторов, опубликованных на иностранных языках [Мельвиль, 2020]. Существует и ряд других обзорных исследований, уступающих работе А.Ю. Мельвиля как по охвату проблемного поля, так и по числу анализируемых работ (см., например: [Гельман, 2012 а; Бродовская, Королев, 2013; Гареева, Шкель, 2011; Шкель, 2014 а]. Представляется целесообразным обратиться к этой тематике на материале российских исследований.

Основные дискуссионные проблемы, которые находятся в центре внимания российских исследователей политических процессов на постсоветском пространстве, заключаются в следующем.

Во-первых, на протяжении 30 лет происходил поиск общих теоретико-методологических оснований анализа постсоветских трансформаций, в ходе которого были восприняты или переосмыслены западные концепции, а также предложены оригинальные исследовательские конструкторы.

Во-вторых, по-прежнему актуальна классическая проблема «структуры и агента», вызывающая дискуссии о большей значимости структурных или процедурных факторов в процессе трансформации политических режимов и в целом о выявлении ключевых факторов формирования новых режимов.

В-третьих, в последние два десятилетия актуализировалась проблема траекторий и итогов постсоветских трансформаций: на смену исследованиям о причинах «неудачи» демократизации пришли поиски терминов и категорий для определения новых недемократических режимов и их сравнительный анализ. Здесь, вслед за западными исследователями, было предложено значительное число концепций «гибридности». В связи с этим поставлена и проблема способов и механизмов смены политической власти и политических режимов в результате так называемых цветных революций, что вызвало дискуссии об их ключевых факторах, общем и особенном по отношению друг к другу и к иным случаям вне постсоветского пространства.

Большое число исследований посвящено проблемам политической культуры, в том числе исторической памяти, формирования новой идентичности, символической политике, политической психологии и другим внеинституциональным аспектам политического на постсоветском пространстве. Представляется, что эти проблемы стоят несколько особняком и анализировать их целесообразно в отдельной работе. То же касается и многочисленных работ, связанных с международно-политическими и внешнеполитическими аспектами развития постсоветских государств, включая анализ стратегий внерегиональных игроков на постсоветском пространстве и проблем интеграции и дезинтеграции.

Исследовательская гипотеза настоящей работы состоит в том, что российские исследования политических процессов на постсоветском пространстве за 30 лет эволюционируют от преимущественно «плотных описаний» к формулированию теорий и концептов траекторий и исходов постсоветских трансформаций, и в этом смысле они в целом соответствуют трендам мировой политической науки. В связи с этим необходимо проанализировать формирующиеся концепты и направления, критически оценить их и показать перспективные направления дальнейших исследований. Критерием систематизации работ при этом является, с одной стороны, их тематика, представленная в следующем разделе, с другой – основные дискуссионные точки, вокруг которых формировались исследовательские концепции.

Основой настоящего исследования послужили научные монографии, а также научные статьи, опубликованные главным образом в трех наиболее авторитетных и цитируемых российских политологических журналах, индексируемых в российских и международных наукометрических базах цитирования: «Полис», «Политическая наука», «Полития». Будут рассмотрены работы, посвященные комплексному анализу политических режимов постсоветских государств, а не анализу отдельных случаев и отдельных стран.

Распределение работ по тематикам и государствам

По данным Научной электронной библиотеки elibrary.ru, количество публикаций, размещенных в библиотеке, в названии или ключевых словах которых присутствует слово «постсоветский»,

составляет 99 495, в том числе 8866 книг и 8939 диссертаций (из них по проблемам политической науки и близким тематикам – около 300) (см. рис. 1). В электронном каталоге Российской государственной библиотеки насчитывается 2038 изданий с названием «постсоветский» в различных формах.

Рис. 1

Тематики диссертаций, защищенных в России в 1992–2020 гг., по политическим проблемам постсоветского пространства, % от общего количества работ

(рассчитано автором по материалам электронного каталога Российской государственной библиотеки и Национальной электронной библиотеки elibrary.ru)

Проанализировав соотношение количества диссертационных исследований по тематикам, можно сделать вывод о том, что большинство из этих работ представляют результаты эмпирического анализа политических институтов и процессов в отдельных государствах постсоветского пространства или в отдельных регионах. Наибольшее количество работ посвящено рассмотрению отдельных страновых или региональных кейсов по конкретной

проблеме (политические партии, молодежная политика, политическая культура и др.). Существуют и немногочисленные комплексные исследования, которые, при всей их значимости, в силу атеоретичности следует отнести к категории «плотных описаний» [СССР после распада, 2007; Эволюция постсоветского пространства, 2017; Постсоветские государства..., 2017].

Всего в период 1992–2022 г., по данным РИНЦ и архивов номеров, не индексированных в РИНЦ, в трех ведущих журналах опубликовано 306 работ, в названии, тексте или ключевых словах которых имеется слово «постсоветский». Для демонстрации трендов условно можно выделить три десятилетия (1992–2001, 2002–2011, 2012–2022) и шесть тематических блоков, представленных в табл. 1. Общее количество статей в тематическом разрезе выглядит следующим образом (рис. 2).

Рис. 2

Распределение статей, опубликованных в ведущих российских журналах с ключевым словом «постсоветский», по тематике

Очевидно, что наиболее часто публиковались статьи по проблематике политических институтов и процессов, а также по проблемам политической культуры, идеологии и идентичности. Если проследить изменение тематики по трем десятилетиям, можно заметить следующие тенденции (рис. 3).

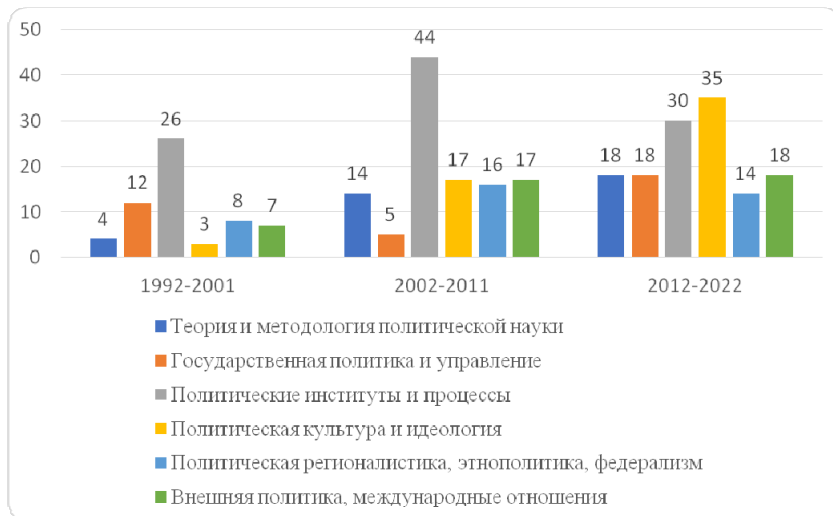

Рис. 3
Распределение статей, опубликованных
в ведущих российских журналах с ключевым словом
«постсоветский», по тематике в разрезе трех десятилетий

Наметился рост публикаций, посвященных теории и методологии изучения постсоветских трансформаций, пройден пик интереса к отдельным политическим институтам и процессам, существенно возросло внимание к проблемам политической культуры, идентичности, исторической памяти и символической политики (с 3 до 35 публикаций в абсолютном выражении и 5% до 26,3% от общего количества статей – в относительном).

Рассматривая тематику статей в разрезе анализируемых государств, можно отметить, что большинство работ (59,8%) посвящено анализу конкретных кейсов на материале одного государства, преимущественно – России (рис. 4).

Рис. 4
**Распределение статей, опубликованных в ведущих
российских журналах с ключевым словом «постсоветский»,
по количеству рассматриваемых государств**

Анализ динамики в этом отношении показывает, что за тридцать лет значительно возросла доля работ, посвященных постсоветскому пространству в целом (с 15% в первое десятилетие до 39,8% – во второе и 37,6% – в третье), однако почти неизменным и крайне низким остаются как количество, так и доля статей, посвященных сравнительному анализу двух, трех и более государств (рис. 5).

Преобладающим остается анализ отдельных случаев и процессов в отдельных государствах, прежде всего в России. При этом из 306 работ всего 9 статей посвящено Украине, 6 – Грузии, 3 – Молдове, 2 – Казахстану, 1 – Таджикистану. Остальные постсоветские государства в качестве отдельных случаев в статьях не рассматриваются (рис. 6).

Рис. 5

Распределение статей, опубликованных в ведущих российских журналах с ключевым словом «постсоветский», по количеству рассматриваемых государств в разрезе трех десятилетий

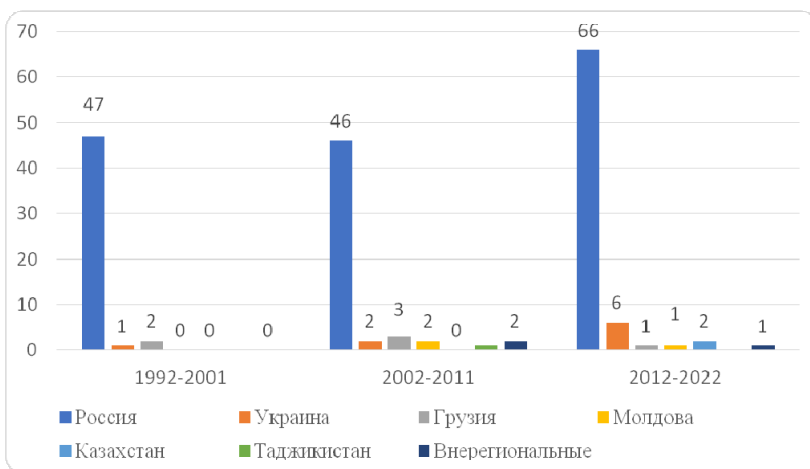

Рис. 6

Распределение статей, опубликованных в ведущих журналах с ключевым словом «постсоветский», по рассматриваемым государствам в разрезе трех десятилетий

Ниже мы рассмотрим предлагаемое проблемное поле постсоветских исследований, но перед этим необходимо кратко остановиться на правомерности использования термина «постсоветское пространство» по прошествии 30 лет после прекращения существования СССР.

«Постсоветское пространство»: конец объекта – конец концепта?

Термин «постсоветское пространство», получивший широкое распространение в начале 1990-х годов как самоочевидный, в последнее время все больше подвергается справедливой критике со стороны российских авторов. Приставка «пост» в данном термине, предшествующая термину «советский», по умолчанию предполагает, что это пространство, во-первых, должно рассматриваться как нечто единое, обладающее некими общими признаками и сходными сценариями развития; во-вторых, подлежит рассмотрению в непосредственной связи с советским прошлым и, в-третьих, фиксирует промежуточность, переходность этого этапа на пути к некоему новому состоянию: невозможно оставаться «пост-...» на протяжении неопределенно долгого времени. Например, В.Б. Пастухов еще в 1997 г. констатировал конец посткоммунизма как особого периода политического развития, в котором в качестве акторов действуют «Власть, Общество и Движение» [Пастухов, 1997].

В то же время отказываться от термина «постсоветское» российская политическая наука, судя по всему, не собирается. Попытки его замены на термины «Новые независимые государства», «Евразийское пространство» так и не получили широкого распространения. Представляется, что это происходит не только по причине отсутствия подходящей альтернативы, но и по более содержательным основаниям: «советское» продолжает жить и воспроизводиться в «постсоветском».

Главной особенностью посткоммунистической демократии в бывшем СССР, отличающей ее от аналогичных демократий в странах Восточной Европы, И.М. Клямкин считал ее формирование при коммунистической власти и по ее инициативе: «Эта власть пошла против собственной природы, допустив свободные выборы», – отмечал он [Клямкин, 1993]. Как полагает С.М. Маркедонов, понятие

«постсоветское пространство» нельзя рассматривать в отрыве от советского контекста. Дело в том, что строительство «постсоветской» государственности велось новыми элитами на основе советского принципа национально-государственного размежевания и в советских же границах [Маркедонов, 2017, с. 379].

Ю.С. Пивоваров развивает эту позицию, не только доказывая, что постсоветское – это в известной степени по природе своей советское, но и демонстрируя, что оно имеет гораздо более глубокие корни в русской истории, которые не исчерпываются наследием Советского Союза [Пивоваров, 2014]: «Коммунистическая Россия ушла в прошлое, но советская осталась, эволюционировав и перейдя в другой период своего советского бытования. Советское – шире, глубже, значительнее, органичнее, устойчивее, опаснее коммунистического», – подчеркивает автор [Пивоваров, 2011, с. 54].

Другими словами об этом же говорят Д.В. Ефременко и его коллеги: «Для России и большинства постсоветских стран исторический смысл эпохи 1990-х годов по преимуществу заключался... в исчерпании динамики распада и “обживании” руин советской системы» [Ефременко, Долгов, Евсеева, 2017].

Соглашается с ними и Л.Е. Бляхер: «Советский Союз как ментальный конструкт оказался намного более жизнеспособным, чем его денотат. Восхваляя или проклиная «советское прошлое», новые государства продолжают оставаться постсоветскими именно в силу того, что Советский Союз выступает отправной точкой их самоидентификации» [Бляхер, 2008].

Оригинальным представляется подход А.И. Швыркова, который трактует сохранение «советского» на постсоветском пространстве не через развитие новых «постсоветских» институтов, а через незавершенные процессы деградации, распада, разрушения советского, что и подтверждает, с точки зрения автора, тезис о незавершенности «распада СССР» [Швырков, 2014].

Б.И. Макаренко отмечает, что понятие «посткоммунистические страны» по-прежнему применимо, так как у обозначаемых им стран имеется важная общая черта: наследие коммунистической эпохи является значимым фактором в их сегодняшней политической жизни и влияет на траекторию развития [Макаренко, 2019].

Вероятно, следует согласиться с тем, что советское наследие задает некоторые родовые черты постсоветской государственности. Выстраивание новой государственности в независимых госу-

дарствах велось не только «на руинах» советской, но и по принципу преемственности, отрицания и/или переосмысления советского наследия и построения новой идентичности как несоветской или несоветской. Поэтому отказ от термина «постсоветское пространство» представляется, по-видимому, преждевременным. Более того, исследовательский интерес к проблематике «советского в постсоветском», особенно в исторической памяти и символической политике, в последнее десятилетие только растет.

В поисках теоретико-методологических оснований изучения постсоветских трансформаций: проблема «структуры» и «агента»

Ряд исследований начала 1990-х годов при изучении постсоветских политических процессов исходил из классических транзитологических парадигм, которые воспринимают любой переход от авторитаризма как переход к демократии, а отсутствие демократии в качестве конечного результата как «неудавшийся» транзит [Ачкасов, 2015]. Этому способствовали как объективные тренды развития политической науки в период всеобщего «политического оптимизма», связанного с крушением диктатур, так и нежелание вырабатывать новые теоретико-методологические модели для анализа постсоветских случаев. В частности, возникла неверная интерпретация концепции третьей волны С. Хантингтона как «последней» волны демократизации, в то время как сам автор предупреждал о возможности глобального «третьего отката» [Хантингтон, 2003].

Такой подход замечен, например, в работах Л.Ф. Шевцовой, которая, в частности, характеризует период президентства В.В. Путина как «сворачивание» демократического проекта в России и «вырождение» демократии [Шевцова, 2004].

По меткому замечанию М.В. Ильина, «универсальные термины стали трактоваться слишком конкретно и в результате фактически превратились в партикулярные, хотя по-прежнему кажутся нам универсальными. Мы... начинаем обсуждать, не исчерпала ли себя демократия, когда исчерпали себя, скорее, наши крайне зауженные представления о ней» [Новые демократии..., 2004].

В то же время следует согласиться с В.Я. Гельманом в том, что уже в первой половине 1990-х годов исследователи постсовет-

ских трансформаций не рассматривали политический режим в России на протяжении всего периода после 1985 г. как демократический [Гельман, 1997, с. 65]. Поэтому хронологическую границу между «оптимистическим» и «пессимистическим» этапами исследования постсоветских трансформаций можно провести весьма условно, несмотря на попытки некоторых авторов строго привязать их к хронологическим рамкам вплоть до конкретного года [см., например: Валитова, 2012].

Б.Г. Капустин, рассуждая о теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия, абсолютно точно определил причину «неудач» политической науки в изучении посткоммунистических трансформаций применением «транзитологической» парадигмы как «установки на рассмотрение общества как переходного, не пропущенной через критическое вопрошание о том, какого рода переход имеет место...» [Капустин, 2001, с. 5–6].

Уже к середине 1990-х годов для наиболее проницательных российских авторов становится очевидным значительно более сложный, многомерный и нелинейный характер постсоветских трансформаций, чем простой «переход от авторитаризма к демократии». Начинается поиск ответов на вопрос, правомерно ли говорить об уже относительно сложившихся типах посткоммунизма, отличающихся друг от друга, и не следует ли отказаться от парадигмы «переходного периода», неопределенного по содержанию и непредсказуемого по политическим последствиям? [Полохало, 1998]. Отмечается необходимость уточнения элитистских подходов применительно к постсоветским трансформациям, где не было удачных элитных «пактов» на пути к демократии [Елизаров, 1999]. Об этом же говорили участники круглого стола, состоявшегося в 1999 г. [Демократические переходы..., 1999].

А.Ю. Мельвиль и его последователи в новаторских работах констатировали необходимость отказа от транзитологической парадигмы и обосновали продуктивность применения в качестве методологической основы «воронки причинности» [Мельвиль, 1998, с. 6; Мелешкина, 2002; Мельвиль, 2002].

Разработка модели «воронки причинности», учитывающей значимость как структурных, так и процедурных факторов, продолжилась в работе над «Политическим атласом современности», в котором была предпринята попытка не только обозначить переменные для универсального сравнения государств, но и как можно

более точно операционализировать каждую из них [Политический атлас современности, 2007].

Такая задача в качестве более частного случая встала и перед исследователями политических процессов на постсоветском пространстве.

Более поздние исследования влияния структурных и процедурных факторов на результаты режимных изменений в посткоммунистических странах, проведенные под руководством А.Ю. Мельвиля, показали, что «структуры» не имеют сколько-нибудь определяющего влияния. Постсоветские страны с высоким стартовым структурным потенциалом – Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан [Мельвиль, 2010] (уровень ВВП на душу населения, уровень развития человеческого потенциала и др.) – теоретически обладали сходными шансами на демократический транзит – однако развиваются по различным траекториям.

Продуктивные результаты для формирования объяснительных моделей трансформации с высоким прогностическим потенциалом дала методика индексного анализа, в частности, наложение значений институциональных основ демократии и индекса государственности, а также наложение значений индекса институциональных основ демократии и индекса институционализации института президентства государств постсоветского пространства [Борисов, 2011].

В.Я. Гельман предложил рассматривать доминирующие типы институтов (формальные и неформальные) в качестве основы различий между «переходами к демократии» (предполагающими установление *rule of law*) и постсоветскими случаями [Гельман, 2001 а, с. 19–20], и соответственно пересмотреть типологию политических режимов [Гельман, 2001 b]. В этом случае вновь возникает вопрос о возможностях операционализации критериев такой типологии, поскольку преобладание формальных или неформальных институтов в том или ином режиме можно оценить только весьма условно, тем более что формальные и неформальные практики могут быть сосредоточены и в одних и тех же институтах.

Одним из первых В.Я. Гельман предлагает в качестве методологической основы изучения политических процессов на постсоветском пространстве неоинституционализм в его исторической и социологической версии, критикуя попытки как применения нормативного подхода, так и рассмотрения российского и других

постсоветских случаев в качестве неповторимых, уникальных и не поддающихся сравнительному анализу [Гельман, 2001 б].

При этом традиционное методологическое разграничение институтов на формальные и неформальные, принятое неоинституционалистами, нуждается в существенном уточнении. По мнению В.Я. Гельмана, оно должно быть дополнено понятием «подрывной институт», который не только не противоречит формальным, но и основан на них. Формальные и неформальные институты ни фактически, ни аналитически не отделены друг от друга и находятся в сложном взаимном переплетении, в состоянии симбиоза в рамках одних и тех же институтов [Гельман, 2001 а, с. 9].

В.Я. Гельман предлагает объяснительную модель динамики постсоветских режимов на основе теории элит. Формирование политических режимов связывается со структурой внутриэлитных взаимодействий в позднесоветский период [Гельман, 2007, с. 85].

Подобные мысли высказывает и П.В. Панов, подчеркивая, что эффективность институциональных трансформаций зависит прежде всего от конгруэнтности формальных и неформальных институтов и траектории их развития после осуществления импорта [Панов, 2002]. Сходные тезисы о преимуществе неоинституционального подхода в сочетании с транзитологией аргументирует и С.М. Елисеев [Елисеев, 2002]. М.В. Ильин справедливо обратил внимание на небольшой эвристический потенциал универсальных сравнений, подчеркнув при этом: «Совершенно нормально, что инструменты, разработанные для анализа демократического транзита, скажем, в Бразилии и Чили, будут неэффективными при исследовании трансформаций в Закавказье» [Новые демократии, 2004].

Значительная часть литературы, посвященной постсоветским трансформациям, вслед за классическими западными работами рассматривает вопрос о влиянии институционального дизайна (прежде всего формы правления и избирательной системы) на формирование и стабильность политических режимов [Зазнаев, 2007; 2009; 2012; Кувалдин, 1998]. Внимательный анализ институциональных трансформаций и экспериментов в области политической инженерии показывает, что «политическая воля» акторов имеет большее значение, чем институты, а постсоветские институты теоретически предоставляют возможность для формирования любого политического режима: демократического, персоналистского или режима с доминирующей партией, как правомерно от-

мечает О.Г. Харитонова [Харитонова, 2014 а]. С ней соглашается и А.Н. Медушевский, подчеркивая, что тема формы правления «часто становится разновидностью политической “игры”, результаты которой не воспринимаются серьезно, а сами участники рассматривают предлагаемые поправки скорее как политический инструмент, от которого в дальнейшем можно отказаться» [Медушевский, 2018, с. 64].

К идентичному выводу приходит и Н.А. Борисов, указывая, что акторы, участвовавшие в разработке и принятии конституционных поправок, не рассматривали взятые на себя обязательства как безусловные и на практике готовы были отказаться от них в любое время [Борисов, 2018, с. 193].

Тезис об определяющем влиянии институциональных факторов (в частности, формы правления) на стабильность постсоветских политических режимов не подтверждается на эмпирическом материале. Большинство авторов, работающих на основе неинституционализма, полагают, что выбор в пользу президентализма препятствует консолидации демократии. Однако выбор институциональных рамок скорее является не причиной авторитаризма, а его продуктом [Easter, 1997, p. 210]. Н.А. Борисов приходит к выводу о том, что это означает возможность достижения стабилизации фактически при любых институциональных рамках. Единственным значимым фактором оказывается степень институционализации института президентства, которая и определяет устойчивость либо неустойчивость конкретного политического режима [Борисов, 2018, с. 453–454].

Другую трактовку факторов трансформации предлагают исследователи, полагающие, что ее определяют исключительно структурные факторы, формировавшиеся на протяжении веков и воспроизводящиеся в любую эпоху.

Ю.С. Пивоваров предлагает оригинальную концепцию «Русской Системы», восходящую к известной модели Р. Пайпса, подчеркивая ее самовоспроизводящийся характер несмотря на смену политических режимов и исторических эпох [Пивоваров, 2006, с. 15]. Это попытка обосновать ключевую роль структурных факторов постсоветских трансформаций, которая ведет к признанию невозможности качественных изменений политического режима.

Публикации последнего десятилетия все больше акцентируют внимание на роли процедурных факторов в процессе постсоветских

трансформаций, что подтверждается результатами эмпирических исследований: «Ни внешние факторы, ни собственные силовые ведомства не навязывали [посткоммунистическим] государствам откровенно авторитарные модели развития... Напротив, субъективные, актор-ориентированные факторы оказались критически важными для исхода политических преобразований», – подчеркивают Б.И. Макаренко и А.Ю. Мельвиль [Макаренко, Мельвиль, 2014].

Переосмысливается и роль структурных факторов: например, В.Я. Гельман подчеркивает, что «наследие прошлого» – не столько объективные структурные предпосылки, сколько социально сконструированный феномен, благодаря которому прежние институты и практики становятся своего рода опорами для институционального строительства и выработки политических курсов как для правящих групп, так и для общества [Гельман, 2016, с. 95].

На рис. 7 представлены варианты объяснительных моделей процесса постсоветских политических трансформаций.

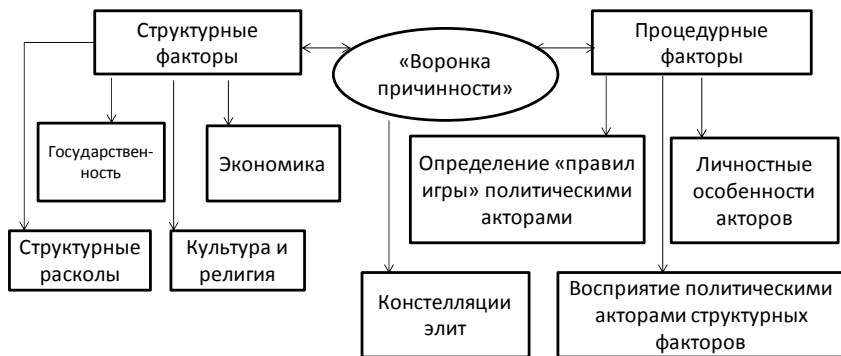

Рис. 7

Объяснительные модели процесса постсоветских политических трансформаций

Результаты постсоветских политических трансформаций: проблемы «гибридности» и стабильности

Одно из перспективных исследовательских направлений, формирующееся в российской политической науке в последнее

десятилетие, связано с определением и классификацией политических режимов, возникающих в результате постсоветских политических трансформаций. Если раньше эти режимы в большинстве случаев определялись как «гибридные» и «переходные», в силу чего подчеркивался их временный, промежуточный характер, то теперь мейнстримом стала тенденция характеризовать их как устойчивые и воспроизводящиеся даже после смены лидеров. С этой проблемой тесно связана и проблема трактовок переворотов (или так называемых революций) в государствах постсоветского пространства.

Автором одного из первых исследований, в котором постсоветский режим (в частности, российский) характеризуется как гибридный, была Л.Ф. Шевцова. Она отмечала, что в «режиме-гибриде», который сформировался после 1993 г., можно обнаружить демократизм, авторитаризм, популизм, олигархические методы. Вместе с тем основной особенностью такого режима является доминирование неформальных связей и «теневых» политических институтов, на которых построена система сдержек [Шевцова, 1996]. В то же время автор полагает, что отсутствие традиционного набора предпосылок демократизма в России уравнивается рядом факторов, которые препятствуют установлению авторитарного режима, а тем более диктатуры.

Еще в 2004 г. участники круглого стола обратили внимание на то, что при анализе процессов в постсоветских государствах мы сталкиваемся с феноменом эволюции недемократических режимов одного типа (вероятно, разных подтипов) и трансформации их в недемократические же режимы иных разновидностей. А.Ю. Мельвиль отмечал, что это ставит перед научным сообществом задачу разработать концептуальную рамку разворачивающихся режимных изменений, предложить детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов [Новые демократии, 2004].

А. Фисун полагает, что адаптированное к современности веберовское понятие «патримониализм» обладает гораздо большим эвристическим потенциалом при объяснении ключевых особенностей политического развития и режимной динамики постсоветских государств, чем концепции «волн демократизации», модернизации, транзитов [Фисун, 2010, с. 172].

Н.С. Розов, соглашаясь с определением большинства постсоветских режимов как неопатримониальных, подчеркивает, что специфика постсоветских стран состоит в наследии коммунистических режимов советского типа, а главным условием удержания власти выступают сохранение сплоченности элит и поддержание лояльности силовых структур. При этом такие режимы следует рассматривать не как переходные, а как весьма устойчивые. Только глубокий социально-политический кризис режима может открывать «окно возможностей» для его демократизации [Розов, 2016].

Д.В. Ефременко и его коллеги рассматривают концепцию неопатримониализма в контексте проблемы «структуры и агента» [Ефременко, Долгов, Евсеева, 2017].

Еще один концепт, воспринятый российскими исследователями для описания постсоветских политических режимов, – концепт **электорального (состязательного) авторитаризма**. Вслед за С. Левицким и Л. Вэем [Levitsky, Way, 2006] В.Я. Гельман предлагает отличать его от классического авторитаризма по критерию проведения регулярных относительно конкурентных выборов, при которых существуют «неоправданно высокие барьеры для вхождения в этот процесс, заведомо неравный доступ его участников к ресурсам, систематическое использование государственного аппарата в целях максимизации голосов, поданных за проправительственные партии и кандидатов, а также злоупотребления на всех стадиях выборов» [Гельман, 2012 b, с. 66]. В качестве важнейших институциональных механизмов, поддерживающих такой режим, автор выделяет суперпрезидентализм, субнациональный авторитаризм и доминирующую партию [Гельман, 2012 b, с. 73]. Вместе с тем эта концепция с трудом подвергается строгой операционализации. Остается неясным, почему запрос на демократизацию будет расти, по каким причинам режим сохранит низкую степень репрессивности и что произойдет в случае изменения этих условий.

Полемизируя с В.Я. Гельманом, Л.В. Поляков отмечает, что российский случай не просто не является критическим для концепции электорального авторитаризма, но и вообще представляет особую сложность с точки зрения концептуализации в рамках дихотомии «демократия – авторитаризм», что ведет к признанию уникальности российского случая [Поляков, 2015, с. 18]. Однако в

этой ситуации остается неясным, как концептуализировать российский случай и встраивать его в исследовательский контекст.

С.Н. Шкель ставит проблему факторов устойчивости и разновидностей авторитаризма в постсоветских государствах Центральной Азии, которая исследуется, в частности, через понятие институционализации [Шкель, 2013; 2014 б; 2015; 2016].

Р. Саква, критикуя концепцию гибридных режимов, предлагает характеризовать российскую политику как борьбу между формальным конституционным порядком и миром фракционно-групповой борьбы и параконституционных политических практик и обозначать ее термином «дуалистичное (dual) государство» [Саква, 2010].

А.В. Гилев предлагает определять устойчивость различных типов режимов на постсоветском пространстве через понятия конституционного баланса и монолитности [Гилев, 2010 а]. Автор выделяет три модели политического развития на постсоветском пространстве: суперпрезидентализм, смешанный баланс и режим зависимого от парламента правительства.

А.Ю. Мельвиль и его соавторы обращают внимание на взаимосвязь уровня государственной состоятельности и уровень демократии, в том числе на постсоветском пространстве [Мельвиль, 2013; Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2013]. Модель «Царя горы», предлагаемая авторами, направлена на объяснение того, почему среди посткоммунистических стран нет автократий с высокой государственной состоятельностью и с качественными институтами. В модели «Царя горы» у монополиста политической и экономической ренты нет мотивов для улучшения качества институтов и политической конкуренции, поскольку отказ от стабильности создает реальную угрозу утраты экономической ренты [Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2013].

Ю.А. Нисневич и А.В. Рябов обращают внимание на то, что ключевыми факторами формирования авторитаризма как результата постсоветских трансформаций стала незаинтересованность победителей в дальнейших преобразованиях и изоляция новых элит от общества [Нисневич, Рябов, 2017].

Заслуживает внимание вывод авторов о том, что, несмотря на постоянное изменение формальных институтов, постсоветские авторитарные режимы следует рассматривать не как нестабильные, а как весьма устойчивые. Изменения формы правления, избирательной и партийной систем, поправки в конституции могут

проводиться непрерывно, однако это не несет угрозы стабильности режима. Это полностью совпадает с выводами о том, что изменения институтов в условиях постсоветских режимов носят ситуативный характер и в большинстве случаев направлены на сохранение статус-кво и сохранение политической стабильности [Борисов, 2018].

Эволюция постсоветского авторитаризма связывается с демонтажом всей системы власти-собственности и патрон-клиентских отношений [Нисневич, Рябов, 2017, с. 95].

Ю.А. Нисневич делает вывод о том, что в постсоветской России в качестве правящего сформировался авторитарный режим корпоративного типа и произошел коррупционный захват государства правящими номенклатурно-олигархическими кланами [Нисневич, 2013].

Заслуживает внимания концепт «недостойное правление» (англ. *bad governance*, более точным переводом которого было бы воспринимаемое в качестве оценочного «плохое правление»), который В.Я. Гельман применяет к анализу политического развития постсоветских государств. Он отмечает, что низкое качество институтов является не причиной, а следствием регулирования и отсутствия верховенства права. Среди причин «недостойного правления» выделяется «наследие прошлого», узость каналов обновления элит и воспроизводство правящих групп, слабое международное влияние со стороны Запада [Гельман, 2016, с. 105].

В основании постсоветского «недостойного правления» лежит извлечение ренты политическими и экономическими игроками, связанными с правящими группами. Вокруг этого «ядра» создается «оболочка» таких формальных институтов, как официальные конституции или электоральные системы [Гельман, 2019, с. 90]. Вместе с тем в ситуации «недостойного правления» следует поставить вопрос о стабильности и управляемости государства, показатели которых могут быть весьма высокими. Напротив, отсутствие выделенных характеристик режима в постсоветских государствах часто ведет к потере управляемости и дезорганизации власти. В связи с этим возникает вопрос, не является ли такое «недостойное правление» единственной формой относительно эффективной организации государственного управления на постсоветском пространстве.

Н.С. Розов полагает, что гибридные режимы могут демонстрировать разнообразную динамику, включающую маятниковые движения между полюсами демократии и авторитаризма, кризисы,

глубокие потрясения вплоть до революций, свержения власти и государственного распада, а также трансформации, укрепляющие или, напротив, снижающие их устойчивость. При определенных условиях гибридные режимы могут трансформироваться в неоталитаризм [Розов, 2018].

Анализируя итоги развития постсоветских государств за двадцать семь лет, Б.И. Макаренко высказывает интересную мысль о том, что постсоветские государства возвращаются в цивилизационную нишу своих регионов – периферии Европы или наследников восточных империй, чем объясняется ретрадиционализация [Макаренко, 2019, с. 109–110].

Таким образом, большинство российских авторов соглашались с тем, что режимы, сформировавшиеся в результате трансформации на постсоветском пространстве, с одной стороны, нельзя отнести к демократическим, с другой – нецелесообразно просто зафиксировать их «гибридность» (рис. 8). Для определения новых политических режимов предложены концепты неопатримониализма, нового авторитаризма, электорального авторитаризма, недостойного правления. Произошло и смещение предмета изучения: от поисков ответа на вопрос, почему итогом трансформаций не стала консолидированная демократия, через концепт «гибридности» намечен переход к анализу факторов формирования, причин устойчивости и разновидностей новых недемократических режимов.

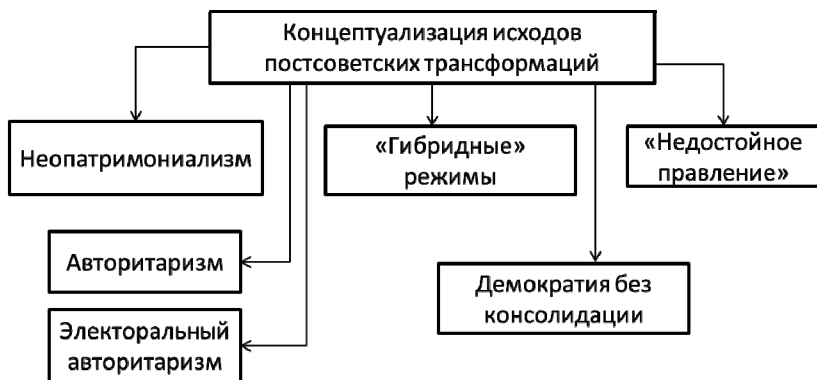

Рис. 8

Концептуализация исходов постсоветских трансформаций

Осмысление практик передачи власти на постсоветском пространстве: «переворот», «преемничество», «цветные революции»

Отдельно стоит остановиться на осмыслении процессов передачи власти на постсоветском пространстве. Здесь интересна постановка вопросов о том, насколько и почему сложившиеся практики передачи власти могут быть устойчивыми.

В начале 2000-х годов применительно к постсоветскому пространству стали развиваться концепции «цветных революций», а немного позднее – концепт преемничества. Все это свидетельствовало о том, что специфика передачи власти требовала от исследователей обратиться к ее концептуализации в сравнительной перспективе. Существенным здесь является трактовка термина «цветные революции» и определение факторов таких революций, а также проблема концептуализации преемничества.

А.В. Манойло полагает, что главный признак цветной революции – это внешнее искусственное воздействие на политическую ситуацию в стране. По его определению, цветные революции – это «технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях *искусственно созданной* [курсив мой. – Н. Б.] политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения» [Манойло, 2015; Карпович, Манойло, 2015]. Его подход имеет явное морально-этическое измерение: он указывает, что цветные революции «не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения», «это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов западными странами» [Манойло, 2015]. С ним не соглашались большинство других исследователей, которые не вводят внешнее воздействие в определение цветных революций.

А.В. Гилев справедливо предлагает трактовку «цветных революций» как процесс смены правящей группы при широкой массовой мобилизации, причиной которой стал протест против официальных итогов выборов в органы государственной власти [Гилев, 2010 b, с. 107]. Автор приходит к выводу о том, что «цветные революции» не привели к смене политических режимов, а

развилкой их возможных исходов является соотношение потенциалов правящей элиты и оппозиции. Капитуляция старой элиты вследствие недостатка ресурсов влечет за собой либо оформление неформального картельного соглашения, либо доминирование одной группы [Гилев, 2010 b, с. 119].

По мнению К.М. Труевцева, цветные революции произошли в тех странах, где системные проблемы усилились в ходе политического транзита, при этом внешний фактор лишь стимулировал внутренние процессы, но не был определяющим [Труевцев, 2005, с. 9].

Интересные практики анализа «цветных революций» на основе концепции стратегий сетей повседневности (voice – loyalty – exit) А. Хиршмана предложили А.С. Кузьмин и М.А. Зорин [Зорин, Кузьмин, 2006].

О.Г. Харитонова предлагает трактовать цветные революции (без кавычек) как постэлекторальные широкие движения оппозиции, направленные на восстановление провозглашенных режимом институциональных основ демократии, нарушенных в ходе выборов [Харитонова, 2014 b]. Как правило, они направлены исключительно на смену политических элит, а не на смену политических режимов.

«Цветные революции» на постсоветском пространстве, по мнению А. Фисуна, являются процессом распада модели консолидации неопатримониального режима на основе политико-экономической гегемонии главы государства и выстраиваемого вокруг него клиентарно-патронажной сети эксплуатации публичных ресурсов [Харитонова, 2014 b, с. 181]. Совершенно справедливым представляется тезис автора о том, что подобные «революции» приводят не к смене политических режимов, а являются лишь элементом внутрирежимной динамики (цикличности). С этим согласен и ряд зарубежных исследователей [Czachor, 2015, p. 261–262; Hale, 2005].

Д.М. Фельдман ставит вопрос о том, в состоянии ли правящая элита найти ответ на действия своих противников, реализующих сценарий «цветных» революций? Единственным ответом в этом случае становится поиск внешнего игрока, «донора» [Фельдман, 2005, с. 94–95]. Здесь внешнее воздействие отмечается не столько со стороны оппозиции, сколько со стороны правящей элиты. Именно поэтому такие «революции» не приводят к прорывам в социально-экономическом и политическом развитии государств.

Представляется, что термин «цветные революции» в последнее время подвергся в российской политической науке серьезному переосмыслению. Возобладало мнение о том, что термин «революция» может применяться к ним только в переносном смысле, означая лишь смену элит, а не политического режима в целом. Вероятно, следовало бы отказаться и от самого термина, который имеет значительную ценностную нагрузку и не соответствует трактовке революции.

При рассмотрении случаев передачи власти политическим «преемникам» на постсоветском пространстве российская политическая наука обратилась к концептуализации этих практик, используя латиноамериканский опыт. В частности, значительный вклад в концептуализацию преемничества и его анализ на материале постсоветских государств в сравнительной перспективе внесла пермская школа политических исследований.

Под преемничеством представители этой школы предлагают понимать такую модель воспроизводства власти, при которой субъектом принятия решения о том, кто будет следующим лидером, является власть, но не общество, при этом решение внутри власти (правлящей элиты) касательно кандидатуры «следующего» лидера принимается при относительном согласии [Борисова, Сулимов, 2012, с. 110].

Выделяются основные переменные для анализа преемничества: субъект принятия решения; бассейн рекрутирования кандидатов в преемники; характер элитного поля; сегментация элит и оппозиция. Важнейший тезис заключается в том, что ключевым препятствием для реализации варианта «преемник» оказывается публично-политическая сегментация элит – она принципиально меняет политическое пространство, в котором действует политический лидер [Панов, Сулимов, 2011; Панов, Сулимов, 2014].

В целом можно прийти к выводу о том, что власть инкубентов на постсоветском пространстве чрезвычайно устойчива и может оспариваться только в результате переворотов, а институт выборов при передаче президентской власти играет незначительную роль [Борисов, 2018].

Вместе с тем проблематика переворотов и преемничества на постсоветском пространстве нуждается в дальнейшей разработке с учетом накопления эмпирического материала и концептуализации всех имеющихся случаев.

Некоторые итоги и перспективы

В целом можно утверждать, что за прошедшие тридцать лет российской политической наукой достигнуты определенные успехи в понимании политических процессов, происходящих на постсоветском пространстве, и накоплен значительный потенциал для обеспечения политических прогнозов.

Это стало возможным прежде всего на основе использования и переосмысления основных постулатов, выработанных западной политической наукой теории трансформации политических режимов и неинституциональной методологии на материале постсоветских государств. Для получения новых научных результатов исследователям пришлось отказаться, с одной стороны, от характеристики постсоветских случаев в качестве уникальных, с другой – признать, что применение транзитологической парадигмы к изучению постсоветских трансформаций дает крайне ограниченные и далеко не всегда адекватные результаты. В процессе анализа были поставлены под сомнения почти все ключевые допущения транзитологии: о «пакте» как наиболее перспективном сценарии трансформации, о необходимости «двукратной смены власти», о ключевом значении периодических выборов для демократизации, о линейном пути к демократии и др.

Основные достижения постсоветских политических исследований, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Фиксируется нелинейность (или цикличность) политических процессов на постсоветском пространстве, в отличие от первоначальных тезисов о «демократизации» и переходе к демократии в качестве единственного магистрального (и «правильного») пути. Демократизация в исследовательском сообществе больше не воспринимается как основной тренд, а демократия – как обязательный конечный результат трансформации. С этим связан рост интереса к более глубокому изучению и классификации недемократических режимов на постсоветском пространстве, а самое главное – констатация того, что эти режимы являются не переходными, а вполне устойчивыми. Причины и факторы стабильности таких режимов нуждаются в осмыслении. В то же время наблюдается консенсус по поводу вопроса о том, что установление подобных режимов не означает окончательного «закрытия» окна возможностей для демократизации.

Объяснения постсоветских политических трансформаций через культуру, менталитет, «заданный путь», «колею», уходят на периферию политических исследований, уступая место анализу процедурных факторов, в том числе действий политических лидеров. В то же время произошло переосмысление роли институциональных трансформаций формальных институтов: выбор формы правления понимается теперь не как определяющий фактор трансформации, а скорее как продукт уже сложившихся элитных взаимоотношений, изменения которого носят ситуативный и «прикладной» характер. Использование методологии неинституционализма в постсоветских исследованиях помогло, в частности, получить выводы о том, что институциональные изменения, инициированные правящими элитами, носили ситуативный характер и не являлись основными факторами трансформационных процессов.

В качестве основного фактора формирования и равновесия («эквilibриума») новых политических режимов указывается незаинтересованность политических элит в проведении реформ, нарушающих их каналы доступа к ренте.

В дискуссии о роли структурных и процедурных факторов в процессе трансформации российские исследователи ушли от однозначных трактовок. На смену им пришло более сложное понимание проблемы: структурные факторы могут оказывать существенное влияние на современный политический процесс, но не в качестве раз и навсегда заданной «колеи» или «культуры», а в качестве некоторых ограничений, в рамках которых действуют политические акторы: это может быть, например, как количественное измерение степени государственности, так и субъективное представление политических акторов о значимости тех или иных структурных факторов. Справедливо и то, что такие факторы со временем могут меняться, в силу чего особенно важно их количественное измерение.

Если говорить об **основных общих трендах** развития политологического знания о постсоветском пространстве, то необходимо отметить следующее (в таблице эти тренды систематизированы с учетом контекста западных исследований, проанализированного А.Ю. Мельвилем).

Таблица

**Тренды и перспективы исследовательских установок
и практик в постсоветских исследованиях
в российской политической науке
в контексте западных исследовательских трендов**

Исследовательские установки и практики 1990-х – начала 2000-х гг. в российской политической науке	Динамика исследовательских установок и практик в 2010–2020-е гг. в российской политической науке	Основные тренды постсоветских исследований в англоязычной литературе [Мельвиль, 2020, Мельвиль, 2021]	Перспективы исследований
1	2	3	4
Четкое разграничение структурных и процедурных факторов при анализе постсоветских трансформаций, исследовательская дихотомия в объяснении результатов трансформации	Гибкое понимание дилеммы «структура / агент»: «структура» может являться продуктом социального конструирования	Новая трактовка дилеммы «структура / агент»: расширительное понимание структурных элементов и факторов, отсутствие однозначных выводов о соотношении факторов	Продолжение сравнительных исследований на новом материале с целью выявления соотношения факторов
«Плотные описания», анализ случаев, исследования с использованием качественных и описательных методов; констатация уникальности российской («постсоветской») политической модели	Возможность и необходимость сравнительного анализа случаев, теоретические обобщения эмпирического материала, концептуализация, исследования с построением моделей с использованием количественных методов, в том числе индексного анализа	Построение математических моделей на основе математических методов	Дальнейшая концептуализация на основе сочетания количественных и качественных методов
Исследования причин и неудач перехода к демократии, «отклоняющихся» путей развития	Исследования проблем государственной состоятельности и факторов стабильности постсоветских политических режимов вне их морально-ценностной оценки	Вывод о том, что высокие уровни государственной состоятельности не являются обязательным условием устойчивости авторитарных режимов	Изучение процессов взаимосвязи государственной состоятельности и стабильности политических режимов, качества государственного управления
Исследования «гибридных» и «промежуточных» режимов как основного результата постсоветских трансформаций	Концептуализация многообразия постсоветских авторитарных политических режимов, разработка новых типологий политических режимов	Исследования стабилизации и легитимации постсоветского авторитаризма	Разработка новых типологий политических режимов на материале постсоветских государств в мировом контексте

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Сравнительные исследования постсоветских государств между собой или сравнения с государствами Восточной Европы	Сравнительные исследования с дополнением в качестве случаев незападных внерегиональных государств	Накопление и углубление политического знания, проверка и уточнение гипотез и теоретических конструкций	Вписывание постсоветских случаев в мировой контекст, привлечение более широкого эмпирического материала
«Советское наследие» как пережиток прошлого, влияние которого со временем ослабевает	«Советское наследие» как основной фактор институционального и внеинституционального развития постсоветских государств и обществ, его роль в политической культуре и идентичности	Изучение «патронажности» и «неформальности», анализ linkage and leverage как факторов политического развития постсоветских государств и дивергенции политических режимов	Выявление специфики «советского наследия» в постсоветских государствах в сравнительной перспективе всех постсоциалистических случаев трансформации

От признания уникальности российской (или «постсоветской») политической модели большинство исследователей пришло к возможности и необходимости сравнительного анализа: «Конструирование какой-то особой чисто российской модели демократии вряд ли возможно и целесообразно», – замечает В.В. Петухов [Петухов, 2017].

От описательных и историко-философских исследований российская политическая наука перешла к исследованиям с построением моделей с использованием количественных методов, а также индексного анализа, что находится в общем русле развития мировой политической науки (см., например: [Токарев, 2017; Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019; Иванов, Исаев, 2019]). От макротеорий, претендующих на объяснение всей совокупности общественных процессов и явлений, российские авторы все более активно переходят к формированию теорий среднего уровня.

Фокус внимания ученых сместился с изучения причин и неудач перехода к демократии на исследования проблем государственной состоятельности и факторов стабильности постсоветских политических режимов вне их морально-ценностной оценки, а также проблем качества государственного управления в контексте политической стабильности. Оценочные суждения и рассуждения о том, почему демократия «не получилась», хотя почему-то «должна была» возникнуть, сменяются попыткой объективного

анализа политических институтов и прогнозирования политических процессов.

В сравнительные исследования постсоветских и восточно-европейских государств со временем все чаще стали включать другие государства, прежде всего незападные (Китай, Монголия, Иран, Турция, Мексика, Бразилия). Именно они воспринимаются теперь в качестве «референтных моделей» для большинства случаев постсоветских трансформаций.

Возрастает исследовательское внимание к «советскому наследию» в институциональном и внеинституциональном аспектах. «Советское» изучается как фактор формирования и постсоветских политических институтов, и постсоветской политической идентичности, символической памяти и политической культуры.

Наконец, растет число исследований, которые носят обобщающий и теоретический характер. Доля теоретических статей в общем числе публикаций возросла в два раза, хотя по-прежнему остается невысокой (13,5%). Намечается рост интереса к неевропейским государствам постсоветского пространства, хотя в этом отношении по-прежнему сохраняется неравномерность в исследовательском интересе.

Перспективным направлением представляется продолжение сравнительного анализа политических процессов в постсоветских государствах на основе соотношения уровня государственности и государственной состоятельности в динамике и уровня институционализации политических институтов и институциональных основ демократии, а также встраивание изучения постсоветских случаев в общий контекст постсоциалистических трансформаций, что уже успешно делают многие российские авторы. Тем самым расширяется исследовательский контекст и снимается исследовательский «провинциализм».

Постсоветские исследования, отказавшись от изучения вариаций «демократий с прилагательными», могут привести к разработке новых типологий политических режимов на материале постсоветских государств в мировом контексте.

Представляется, что задачу, вынесенную в эпиграф этой статьи, можно считать если не полностью решенной, то по крайней мере успешно решаемой с учетом тех исследовательских трендов, по которым развиваются постсоветские исследования в России.

Все это дает основания для вывода о том, что исследования российскими авторами политических институтов и процессов на постсоветском пространстве внесли вклад в теоретическое развитие политической науки, включив постсоветский материал в общий контекст сравнительного анализа современных политических трансформаций, учитывая их сложный, нелинейный и многомерный характер, а прогнозы, сделанные относительно развития политических процессов в постсоветских государствах, оказываются вполне достоверными.

N.A. Borisov*

**Thirty years of post-Soviet research
in Russian political science: trends and prospects¹**

Abstract. The article presents the results of the analysis of the main works of Russian political scientists devoted to the transformation of post-Soviet states' political regimes from the point of view of their contribution to political theory and methodology. The main debatable problems that are in the focus of attention of Russian researchers of political processes in the post-Soviet space are considered, the evolution of the theoretical foundations and of research on the transformation of political regimes of post-Soviet states methodology is analyzed.

The author analyzes the «structural» and «procedural» approaches to the study of post-Soviet transformations, the problem of trajectories and outcomes of post-Soviet transformations, research concepts of color revolutions and succession.

The author concludes that the results of post-Soviet research not only led to an increase in knowledge about politics, but also enriched political theory as a whole. The non-linearity (or cyclicity) of political processes in the post-Soviet space is fixed.

There has been a transition to a deeper study and classification of non-democratic regimes in the post-Soviet space and the study of these regimes not as transitional, but as quite stable. Institutional transformations as factors of the political process are being rethought.

A promising direction is to continue the comparative analysis of political processes in post-Soviet states based on the correlation between the level of statehood in dynamics and the level of institutionalization of political institutions and the institutional foundations of democracy, as well as embedding the study of post-Soviet cases in the general context of post-socialist transformations.

Keywords: post-Soviet studies; political regime; transformation; theoretical and methodological foundations.

* **Borisov Nikolay**, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: nborisov@rggu.ru

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20–111–50027.

For citation: Borisov N.A. Thirty years of post-Soviet research in Russian political science: trends and prospects. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 15–55. DOI: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.01>

References

- Achkasov V.A. Transitology – scientific theory or ideological construct? *Polis. Political Studies*. 2015, N 1, P. 30–37. (In Russ.)
- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A. Yu. How and why should we measure and compare state capacity of different countries? theoretical and methodological foundations. *Polis. Political Studies*. 2019, N 2, P. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02> (In Russ.)
- Blyakher L.E. Whether post-imperial project is possible: from mutual claims to common future. *Politeia*. 2008, N 1, P. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2008-48-1-6-16> (In Russ.)
- Borisov N.A. Presidency institution institutionalization and consolidation prospects of post-Soviet political regimes. *Politeia*. 2011, N 4, P. 93–103. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2011-63-4-93-103> (In Russ.)
- Borisov N.A. *Presidency in the post-Soviet space. Genesis and transformations processes*. Moscow: RSUH Publ., 2018, 537 p. (In Russ.)
- Borisova N.V., Sulimov K.A. Power succession in contemporary Russia: preemnichestvo as an invariant? *Political science*. 2012, N 3, P. 105–124. (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Korolev P.A. Democratic transit on postcommunist space: definition, models, stages. *Proceedings of the Tula State University. Humanities*. 2013, N 2, P. 10–16. (In Russ.)
- Czachor R. *Postradzieckie rejimy polityczne w perspektywie neopatrymonialnej: wstęp do badań*. Wrocław : Fundacja Instytut Polsko-Rosyjski, 2015, 304 s. (In Polish)
- Democratic transits: variants of the ways and uncertainty of the results. *Polis. Political studies*. 1999, N 3, P. 30–51. (In Russ.)
- Easter G. Preference for presidentialism: postcommunist regime change in Russia and the NIS. *World politics*. 1997, N 2, P. 184–211. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0002>
- Efremenko D.V., Dolgov A. Yu., Evseeva Ya.V. Russia between system catastrophes and evolutionary transformations: aspects of political ontology. *Polis. Political studies*. 2017, N 5, P. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.03> (In Russ.)
- Eliseev S.M. To break out of the “Bermudas triangle”: on methodology of the research of post-communist transformations. *Polis. Political Studies*. 2002, N 6, P. 71–82. (In Russ.)
- Elizarov V.P. The elitist theory of democracy and the contemporary Russian political process. *Polis. Political studies*. 1999, N 1, P. 72–78. (In Russ.)
- Feldman D.M. Political interaction of the CIS countries’ elites. *Polis. Political studies*. 2005, N 4, P. 89–98. (In Russ.)
- Fisun A.A. Towards rethinking post-Soviet politics: a neopatrimonial interpretation. *Political Conceptology*. 2010, N 4, P. 158–187. (In Russ.)

- Gareeva N.E., Shkel S.N. Dynamics of political regime transformation in post-Soviet space: evolution of political thought. *The Bashkir university bulletin*. 2011, N 3, P. 803–806. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. “Transition” in Russian: concepts of the transition period and political transformation in Russia (1989–1996). *Social sciences and modernity*. 1997, N 4, P. 64–81. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. Post-Soviet regime transformations: toward a theory building. *Polis. Political Studies*. 2001 a, N 1, P. 15–29. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. “Encounter with an iceberg”: concept formation and misformation in the study of Russian politics. *Polis. Political Studies*. 2001 b, N 6, P. 6–17. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. Preface. Russian politics in theoretical and comparative contexts: new perspectives of analysis. *Political science (RU)*. 2003, N 1, P. 4–12. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. Out of the frying pan into the fire? (Post-Soviet regime dynamics in comparative perspective. *Polis. Political studies*. 2007, N 2, P. 81–108. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. Political science and contemporary research on Russian politics: changes and challenges. *Political science*. 2012 a, N 1, P. 8–23. (In Russ.)
- Gelman V.Ya. The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia. *Politeia*. 2012 b, N 4, P. 65–88. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-65-88> (In Russ.)
- Gelman V.Ya. The political foundations of “bad governance” in post-Soviet Eurasia: rethinking the research agenda. *Politeia*. 2016, N 3, P. 90–115. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-82-3-90-115> (In Russ.)
- Gelman V.Ya. *The politics of bad governance in contemporary Russia*. Saint-Petersburg: European University publishing house, 2019, 254 p. (In Russ.)
- Gilev A.V. Dynamics of transformations in the post-Soviet space in a comparative perspective: stability and prerequisites for the diversity of political regimes. PhD thesis. Perm: Perm State University, 2010 a, 256 p. (In Russ.)
- Gilev A.V. Political transformations in the post-Soviet space: do “color revolutions” matter? *Politeia*. 2010 b, N 2, P. 107–121. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-57-2-107-121> (In Russ.)
- Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia. *World politics*. 2005, N 1, P. 133–165. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>
- Huntington S. *The Third Wave*. Moscow: ROSSPEN, 2003. 368 p. (In Russ.)
- Ivanov E.A., Isaev L.M. On methods of estimating current condition and of forecasting social instability in Central Asia. *Polis. Political studies*. 2019, N 2, P. 59–78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.05> (In Russ.)
- Kapustin B.G. The End of “transitology” “? (Reflecting on the first post-communist decade as subject of theoretical interpretation). *Polis. Political studies*. 2001, N 4, P. 6–26. (In Russ.)
- Karpovich O.G., Manoylo A.V. *Color revolutions: theory and practice of dismantling modern political regimes*. Moscow: Uniti-Dana, 2015, 111 p. (In Russ.)
- Kharitonova O.G. Post-soviet constitutions: do only institutions matter? *Political science (RU)*. 2014 a, N 1, P. 69–93. (In Russ.)
- Kharitonova O.G. Color revolutions in the context of democratization theories. *Political science (RU)*. 2014 b, N 3, P. 184–210. (In Russ.)

- Klyamkin I.M. Post-communist democracy and its historically specific features in Russia. *Polis. Political studies*. 1993, N 2, P. 6–24. (In Russ.)
- Kuvaldin V.B. Presidential and parliamentary republics as forms of democratic transit (Russian and Ukrainian experience in the global context). *Polis. Political studies*. 1998, N 5, P. 134–138. (In Russ.)
- Makarenko B.I. Twenty seven years later: are there post-communist states? *Politeia*. 2019, N 1, P. 97–113. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-92-1-97-113> (In Russ.)
- Makarenko B.I., Melville A. Yu. How do transitions to democracy get stuck and where? Lessons from post-communism. *Political science (RU)*. 2014, N 3, P. 9–39. (In Russ.)
- Manoylo A.V. Color revolutions and technologies for dismantling political regimes. *World politics*. 2015, N 1, P. 1–19. (In Russ.)
- Marganiya O.L. (ed). *USSR after collapse*. Saint-Petersburg: Economic School HSE, 2007, 542 p. (In Russ.)
- Markedonov S.M. The post-Soviet space: farewell to the definition. In: *The evolution of the post-Soviet space: past, present, future: a textbook*. Moscow: RSMD Publ., 2017, P. 374–381. (In Russ.)
- Medushevsky A.N. Trends of post-Soviet political regimes in the light of the latest wave of constitutional amendments. *Social sciences and modernity*. 2018, N 2, P. 49–66. (In Russ.)
- Meleshkina E.Yu. The “funnel of causality” in electoral studies. *Polis. Political studies*. 2002, N 5, P. 47–53. (In Russ.)
- Melville A.Yu. An essay of theoretical and methodological synthesis of the structural and the procedural approaches to democratic transits. *Polis. Political studies*. 1998, N 2, P. 6–38. (In Russ.)
- Melville A.Yu. The “funnel of causality” methodology as intermediary synthesis of “structure and agency” in the analysis of democratic transitions. *Polis. Political studies*. 2002, N 5, P. 54–59. (In Russ.)
- Melville A.Yu. Delayed and / or failed democratizations: why and how? *Polis. Political studies*. 2010, N 4, P. 73–76. (In Russ.)
- Melville A.Yu. Does the “Tsar of the mountain” need good institutes? *Political science*. 2013, N 3, P. 151–169. (In Russ.)
- Melville A.Yu. “Out of the ghetto”: on the contribution of post-Soviet/Russian Studies to contemporary political science. *Polis. Political studies*. 2020, N 1, P. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03> (In Russ.)
- Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. “The King of the mountain”, or Why post-communist autocracies have bad institutions. *Polis. Political studies*. 2013, N 2, P. 125–142. (In Russ.)
- Melville A.Yu. Five unfulfilled hopes: political and theoretical expectations of the “epoch – 1989”. In: *Dismantling Communism: thirty years later*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, P. 66–92. (In Russ.)
- New democracies and / or new autocracies? (Materials of the round table). *Polis. Political studies*. 2004, N 1, P. 169–177. (In Russ.)

- Nisnevich Yu.A. Post-Soviet Russia: twenty years later. *Polis. Political studies*. 2013, N 1, P. 100–111. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. Post-Soviet authoritarianism. *Social sciences and modernity*. 2017, N 4, P. 84–97. (In Russ.)
- Panov P.V. Transformations of political institutions in Russia: cross-temporal comparative analysis. *Polis. Political Studies*. 2002, N 6, P. 58–70. (In Russ.)
- Panov P.V., Sulimov K.A. Succession as a way of reproduction of power: problems of conceptualization. *The Perm University Bulletin. Series "Political Science"*. 2011, N 4, P. 31–42. (In Russ.)
- Panov P.V., Sulimov K.A. Leadership succession and limits of personalist presidentialism: the perspectives of "preemniks" in the Caucasus and Central Asia. *Political science*. 2014, N 1, P. 134–158. (In Russ.)
- Pastukhov V.B. The end of postcommunism. *Polis. Political Studies*. 1997, N 4, P. 33–43. (In Russ.)
- Petukhov V.V. Democratization of the Russian society: is second attempt possible? *Polis. Political studies*. 2017, N 5, P. 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.02> (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S. Russian power and public policy (A historian's notes about the reasons of unsuccess of the democratic transit). *Polis. Political studies*. 2006, N 1, P. 12–32. (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S. "...And a century in ruins". *Polis. Political studies*. 2011, N 6, P. 52–77. (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S. About the "Soviet" and ways to overcome it (article two). What to do? *Polis. Political studies*. 2014, N 2, P. 31–60. (In Russ.)
- Polokhalo V. Political science of post-communism in Ukraine and Russia (To the methodology of political analysis). *Polis. Political studies*. 1998, N 3, P. 7–15. (In Russ.)
- Polyakov L.V. Electoral authoritarianism and Russian case. *Politeia*. 2015, N 2, P. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-6-20> (In Russ.)
- Post-Soviet states: 25 years of independent development. In 2 vol. Moscow: IMEMO RAN Publ., 2017. (In Russ.)
- Rozov N.S. Neopatrimonial regimes: diversity, dynamics, and prospects for democratization. *Polis. Political studies*. 2016, N 1, P. 139–156. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.10>. (In Russ.)
- Rozov N.S. Dynamics of hybrid regimes and sustainability/fragility of neo-totalitarianism. *Politeia*. 2018, N 1, P. 30–46. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-88-1-30-46> (In Russ.)
- Sakva R. The dual state in Russia: paraconstitutionalism and parapolitics. *Polis. Political studies*. 2010, N 1, P. 8–26. (In Russ.)
- Shevtsova L.F. Dilemmas of post-communist society. *Polis. Political studies*. 1996, N 5, P. 80–91. (In Russ.)
- Shevtsova L.F. How Russia failed to cope with democracy: the logic of political roll-back. *Pro et Contra*. 2004, N 3, P. 36–55. (In Russ.)
- Shkel S.N. New wave: authoritarianism's multiformity in reflection of modern political science. *PolitBook*. 2013, N 4, P. 120–139. (In Russ.)

- Shkel S.N. Political reshaping in the post-soviet time reflected by the contemporary political thought. *Historical and socio-educational thought*. 2014 a, N 6–2, P. 287–291. (In Russ.)
- Shkel S.N. *Post-Soviet authoritarianism in a comparative perspective*. Ufa: Gilem Publ., 2014 b, 349 p. (In Russ.)
- Shkel S.N. Regime changes of post-soviet states of Central Asia and the Caucasus. *The Perm University Bulletin. Series "Political Science"*. 2015, N 1, P. 5–23. (In Russ.)
- Shkel S.N. Neopatrimonial practices and stability of authoritarian regimes in Eurasia. *Politeia*. 2016, N 4, P. 94–107. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-83-4-94-107> (In Russ.)
- Shvyrkov A.I. Ukraine: patterns of collapse. *Politeia*. 2014, N 2, P. 34–47. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-73-2-34-47> (In Russ.)
- The evolution of the post-Soviet space: past, present, future: an anthology*. Moscow: RSMD Publ., 384 p. (In Russ.)
- The political atlas of modernity: the experience of multidimensional statistical analysis of the political systems of modern states*. Moscow: MGIMO-University Publ., 2007, 272 p. (In Russ.)
- Tokarev A.A. Comparative analysis of the post-communist secessions: the prognostic attempt of quantification of the factors' impact on secession. *Polis. Political studies*. 2017, N 4, P. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08> (In Russ.)
- Truevtsev K.M. "Colour revolutions" and terrorist threat in Central Asia. *Politeia*. 2005, N 2, P. 5–21. DOI: [10.30570/2078-5089-2005-37-2-5-21](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2005-37-2-5-21) (In Russ.)
- Valitova N.E. *The evolution of theoretical and methodological models for the study of political regime transformations in post-Soviet countries*: Ph.D. thesis. Ufa: Bashkir State University, 2012, 168 p. (In Russ.)
- Way L., Levitsky S. The Dynamics of Autocratic Coercion after the Cold War. *Communist and post-communist studies*. 2006, Vol. 39, N 3, P. 387–410. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2006.07.001>
- Zaznaev O.I. Index analysis of semi-presidential states of Europe and of post-Soviet expanse. *Polis. Political studies*. 2007, N 2, P. 146–164. (In Russ.)
- Zaznaev O.I. Superpresidential Systems in the Central Asia Republics: on the example of Uzbekistan, Kazakhstan, Tajikistan and Kyrgyzstan. *Russia and the Muslim world*. 2009, N 10, P. 145–154. (In Russ.)
- Zaznaev O.I. Constitutional amendments as a factor of strengthening presidential power in post-Soviet countries. *The spiritual sphere of society*. 2012, N 9, P. 88–91. (In Russ.)
- Zorin M.A., Kuzmin A.S. Political mirages and sociological reality (Ukraine 2000–2006: the nets of ordinariness, unstable informal institutions and colored revolutions. *Politeia*. 2006, N 1, P. 51–65. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-40-1-51-65> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ахременко А.С., Горельский А.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 8–23. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>
- Ачкасов В.А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 30–37.
- Бляхер Л.Е. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // Полития. – 2008. – № 1. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2008-48-1-6-16>
- Борисов Н.А. Институционализация института президентства и перспективы консолидации политических режимов на постсоветском пространстве // Полития. – 2011. – № 4. – С. 93–103. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2011-63-4-93-103>
- Борисов Н.А. Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. – М.: РГТУ, 2018. – 537 с.
- Борисова Н.В., Сулимов К.А. Воспроизводство власти в современной России: преэминенство как инвариант? // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 105–124.
- Бродовская Е.В., Королев П.А. Демократический транзит на прокоммунистическом пространстве: подходы к определению, модели, этапы // Известия Тульского государственного университета. – Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 10–16.
- Валитова Н.Э. Эволюция теоретико-методологических моделей исследования политико-режимных трансформаций в постсоветских странах: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2012. 168 с.
- Гареева Н.Э., Шкель С.Н. Динамика политико-режимных трансформаций в странах постсоветского пространства: этапы эволюции политической мысли // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 3. – С. 803–806.
- Гельман В.Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989–1996) // Общественные науки и современность. – 1997. – № 4. – С. 64–81.
- Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Полис. Политические исследования. – 2001 а. – № 1. – С. 15–29.
- Гельман В.Я. «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // Полис. Политические исследования. – 2001 б. – № 6. – С. 6–17.
- Гельман В.Я. Предисловие. Российская политика в теоретическом и сравнительном контекстах: новые перспективы анализа // Политическая наука. – 2003. – № 1. – С. 4–12.
- Гельман В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 2. – С. 81–108.
- Гельман В.Я. Политическая наука и современные исследования российской политики: перемены и вызовы // Политическая наука. – 2012 а. – № 1. – С. 8–23.

- Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. – 2012 б. – № 4. – С. 65–88. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-65-88>
- Гельман В.Я. Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии: переосмысливая исследовательскую повестку дня // Полития. – 2016. – № 3. – С. 90–115. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-82-3-90-115>
- Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. – СПб.: Издательство Европейского ун-та, 2019. – 254 с.
- Гилев А.В. Динамика трансформаций на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе: устойчивость и предпосылки многообразия политических режимов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010 а. – 256 с.
- Гилев А.В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение «цветные революции»? // Полития. – 2010 б. – № 2. – С. 107–121. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-57-2-107-121>.
- Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: круглый стол // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 30–51.
- Елизаров В.П. Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 1. – С. 72–78.
- Елисеев С.М. Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 6. – С. 71–82.
- Ефременко Д.В., Долгов А.Ю., Евсеева Я.В. Россия между системными катастрофами и эволюционными трансформациями: политико-онтологические аспекты // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 24–42. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.03>
- Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 2. – С. 146–164.
- Зазнаев О.И. Сверхпрезидентские системы в Республиках Центральной Азии: на примере Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Киргизии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 10. – С. 145–154.
- Зазнаев О.И. Конституционные поправки как фактор укрепления президентской власти в постсоветских странах // Духовная сфера общества. – 2012. – № 9. – С. 88–91.
- Зорин М.А., Кузьмин А.С. Политологические миражи и социологическая действительность: Украина 2000–2006: сети повседневности, неустойчивые неформальные институты и «цветные революции» // Полития. – 2006. – № 1. – С. 51–65. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-40-1-51-65>
- Иванов Е.А., Исаев Л.М. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности в странах Центральной Азии // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 59–78. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.05>
- Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 4. – С. 6–26.

- Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции: теория и практика демонтажа современных политических режимов. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 111 с.
- Клямкин И.М. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 6–24.
- Кувалдин В.Б. Президентская и парламентская республики как формы демократического транзита: российский и украинский опыт в мировом контексте // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 5. – С. 134–138.
- Макаренко Б.И. Двадцать семь лет спустя: есть ли посткоммунистические государства? // Полития. – 2019. – № 1. – С. 97–113. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-92-1-97-113>
- Макаренко Б.И., Мельвиль А.Ю. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Политическая наука. – 2014. – № 3. – С. 9–39.
- Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 1–19.
- Маркедонов С.М. Постсоветское пространство: прощание с дефиницией? // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. – М.: РСМД, 2017. – С. 374–381.
- Медушевский А.Н. Тенденции постсоветских политических режимов в свете новейшей волны конституционных поправок // Общественные науки и современность. – 2018. – № 2. – С. 49–66.
- Мелешикина Е.Ю. «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С. 47–53.
- Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 6–38.
- Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С. 54–59.
- Мельвиль А.Ю. Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 73–76.
- Мельвиль А.Ю. Зачем «Царю горы» хорошие институты? // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 151–169.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 2. – С. 125–142.
- Мельвиль А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 22–43. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03>
- Мельвиль А.Ю. Пять несбывшихся надежд: политические и теоретические ожидания «эпохи – 1989» // Демонтаж коммунизма: тридцать лет спустя. М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 66–92.
- Нисневич Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 1. – С. 100–111.

- Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Постсоветский авторитаризм // *Общественные науки и современность*. – 2017. – № 4. – С. 84–97.
- Новые демократии и/или новые автократии? Материалы круглого стола // *Полис. Политические исследования*. – 2004. – № 1. – С. 169–177.
- Панов П.В. Трансформации политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // *Полис. Политические исследования*. – 2002. – № 6. – С. 58–70.
- Панов П.В., Сулимов К.А. Преемничество как способ воспроизводства власти: проблемы концептуализации // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. – 2011. – № 4. – С. 31–42.
- Панов П.В., Сулимов К.А. Смена лидера и пределы персоналистского президентизма: перспективы варианта «преемник» в странах Закавказья и Центральной Азии // *Политическая наука*. – 2014. – № 1. – С. 134–158.
- Пастухов В.Б. Конец посткоммунизма // *Полис. Политические исследования*. – 1997. – № 4. – С. 33–43.
- Петухов В.В. Демократизация российского общества: возможна ли вторая попытка? // *Полис. Политические исследования*. – 1997. – № 5. – С. 8–23. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.02>
- Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика: заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // *Полис. Политические исследования*. – 2006. – № 1. – С. 12–32.
- Пивоваров Ю.С. «...И в развалинах век» // *Полис. Политические исследования*. – 2011. – № 6. – С. 52–77.
- Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // *Полис. Политические исследования*. – 2014. – № 2. – С. 31–60.
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.
- Полохало В. Политология посткоммунистических обществ в Украине и России: к методологии политического анализа // *Полис. Политические исследования*. – 1998. – № 3. – С. 7–15.
- Поляков Л.В. Электоральный авторитаризм и российский случай // *Полития*. – 2015. – № 2. – С. 6–20. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-6-20>
- Постсоветские государства: 25 лет независимого развития: в 2 т. М.: ИМЭМО РАН, 2017.
- Розов Н.С. Динамика гибридных режимов и устойчивость / хрупкость неототалитаризма // *Полития*. – 2018. – № 1. – С. 30–46. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-88-1-30-46>
- Розов Н.С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – № 1. – С. 139–156. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.10>
- Саква Р. Дуалистичное государство в России: параконституционализм и парapolитика // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 1. – С. 8–26.
- СССР после распада / под ред. О.Л. Марганя. – СПб.: Экономическая школа ГУ ВШЭ, 2007. – 542 с.

- Токарев А.А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 106–117. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08>
- Труевцев К.М. «Цветные революции» и террористическая угроза в Центральной Азии // Полития. – 2005. – № 2. – С. 5–21. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2005-37-2-5-21>
- Фельдман Д.М. Политическое взаимодействие элит стран СНГ // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 4. – С. 89–98.
- Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 158–187.
- Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
- Харитонова О.Г. Постсоветские конституции: только ли институты имеют значение? // Политическая наука. – 2014 а. – № 1. – С. 69–93.
- Харитонова О.Г. Цветные революции в контексте теорий демократизации // Политическая наука. – 2014 б. – № 3. – С. 184–210.
- Швырков А.И. Украина: закономерности распада // Полития. – 2014. – № 2. – С. 34–47. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-73-2-34-47>
- Шевцова Л.Ф. Дилеммы посткоммунистического общества // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 80–91.
- Шевцова Л.Ф. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. – 2004. – № 3. – С. 36–55.
- Шкель С.Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // PolitBook. – 2013. – № 4. – С. 120–139.
- Шкель С.Н. Постсоветские политические трансформации в отражении современной политической мысли // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014 а. – № 6–2. – С. 287–291.
- Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, 2014 б. – 349 с.
- Шкель С.Н. Режимная динамика постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2015. – № 1. – С. 5–23.
- Шкель С.Н. Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии // Полития. – 2016. – № 4. – С. 94–107. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-83-4-94-107>
- Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. – М.: РСМД, 2017. – 384 с.